

* Н * В * П *

Н О В А Я П О Э З И Я

ИГОРЬ

Лёвшин

и его дополнения

ГОВОРЯЩАЯ ВЕТОШЬ

НОВОЕ
ЛИТЕРАТУРНОЕ
ОБОЗРЕНИЕ

Новая поэзия (Новое литературное обозрение)

Игорь Лёвшин

**Говорящая ветошь
(nocturnes & nightmares)**

«НЛО»

2017

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Лёвшин И.

Говорящая ветошь (nocturnes & nightmares) / И. Лёвшин —
«НЛО», 2017 — (Новая поэзия (Новое литературное
обозрение))

ISBN 978-5-4448-0813-9

Игорь Лёвшин (р. 1958) – поэт, прозаик, музыкант, автор книг «Жир Игоря Лёвшина» (1995) и «Петруша и комар» (2015). С конца 1980-х участник группы «Эпсилон-салон» (Н. Байтов, А. Бараш, Г. Кацов), в которой сформировалась его независимость от официального и неофициального мейнстрима. Для сочинений Лёвшина характерны сложные формы расслоения «я», вплоть до погружения его фрагментов внутрь автономных фиктивных личностей. Отсюда (но не только) атмосфера тревоги и предчувствия катастрофы, частично экранированные иронией. В книге «Говорящая ветошь» собраны тексты разных лет, включая новейшие. Живет в Москве.

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-4448-0813-9

© Лёвшин И., 2017
© НЛО, 2017

Содержание

Хроника пикирующей смерти	7
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Игорь Лёвшин

Говорящая ветошь

(nocturnes & nightmares)

Предисловие О. Дарка

© И. Лёвшин, 2017

© О. Дарк, предисловие, 2017

© Н. Лёвшина, фото, 2017

© ООО «Новое литературное обозрение», 2017

* * *

посвящается Н. Лёвшиной и Ф. Ватузник

Хроника пикирующей смерти

Тактика террористической модели заключается в том, чтобы вызвать избыток реального и заставить систему обрушиться под этим избытком реального.

Жан Бодрийяр

«А ведь нам говорили: / нельзя писать стихи после Освенцима...» – это из второй «лекции о поэзии» Вепря Петрова, персонажа и соавтора Игоря Левшина. Тут главное словечко «ведь» – то есть предупреждали, предостерегали, что все равно не получится, – и множественное число: «говорили». Это уже общая фраза, никому не принадлежащая, в том числе и Теодору Адорно, которому ее традиционно приписывают. Об этой полумифической фразе пишут трактаты, ее по-разному трактуют. Левшин, кажется, выбрал одну из интерпретаций (впрочем, с его выбором сохраняется неясность). Полумифичность и безличность фразы позволяет с легкостью заменять и топоним в ней: Аушвиц (в другом стихотворении Левшина: «Стихи-После-Аушвица»), Бухенвальд, Треблинка – это если сохранять верность теме. Предлагают и более частные варианты: а после изнасилования? Может ли изнасилованная поэтесса писать стихи? И если да, то какие они будут?

А после Интернета? Можно ли писать стихи-после-Интернета? и какие они будут? А жить? После Интернета. И как? – Вопросы, которые не то чтобы задаются (их как таковых здесь нет, есть Освенцим, Аушвиц, иногда немного игрушечные или мультипликационные, обманчиво ручные и контролируемые; контролируемый заключенными Аушвиц, Город Смерти), но на них отвечает вся книга. Этим вопросам подчинен ее сюжет, ибо в книге есть сюжет, который пока обозначим приблизительно так: от ада и смерти виртуальности к Новой реальности. У Николая Байтова есть давний рассказ «Голод Солнца» (герой картавит, и в его произношении в известном названии вместо «Город» получается очень подходящее здесь «Голод»), с парадоксальным образом солнца, выедающего внутренности (мозга) и оставляющего пустоту. Чтобы продолжать жить (но у Байтова об этом нет), эту пустоту надо заново заполнить.

* * *

Солнце Аушвица. Интернет – это Аушвиц, который все сжег: слова и их значения (остались одни пустые, больные, часто изуродованные оболочки), отношения означаемого и означающего (означающее больше не означает – или означает все что угодно), страх и трепет, особенно страх (потому что действительность, а не ее компьютерное подобие манифестируется страхом, и значит, возникает парадоксальная задача: вернуть страх), жалость и сострадание, со-чувствие вообще, любовь и дружбу, смерть (Бодрийяр использовал термин «нулевая смерть», и значит: вернуть смерть) и сжег войну как кровавую и страшную (опять-таки!) бойню (вернуть войну!)... Война становится виртуальной, подобием компьютерной игры, театральным представлением, зрелищем или мультипликационным фильмом (в стихах Левшина вместо крови не клюквенный сок, а более плотное и пахучее образование однажды хлещет из горла убитой девочки – нефть).

* * *

В стихотворении «Саппоро в снегу...» (вообще-то действие происходит на льду Чистых прудов, где сначала прогуливаются говорящие утки, а потом разыгрывается сраже-

ние, но в ситуации без-различия, приметы виртуальности, любой топоним легко заменяется каким угодно: Саппоро или Хоккайдо, Чудское озеро или Чистые пруды – это все равно) происходит кровавая (или бескровная? – какая разница?) битва героев аниме-сериалов, за которым напряженно следит девушка-эмо в окно. Есть зритель, и значит – зрелище, с имитацией то сценарных ремарок или текста-комментария, который читает некто невидимый, то звуковых сигналов (бип!), заменяющих, как сейчас принято, обценную лексику, сопровождающую бой. Впрочем, видит девушка только мечущиеся тени: там убивают друг друга, и это интересно. В стихах Левшина многие события и явления превращаются вот в такие зрелища-действия, в которых собравшихся зрителей («сбежались люди») или хотя бы одного зрителя (поэт-убийца наблюдает процесс умирания) и действующее лицо, часто жертву, связывает только интерес к наблюдению.

* * *

А в «Лекции 1» Вепря Петрова о поэзии сам персонаж (он же и квазиавтор) разыгрывает войну: «я формирую отряды...», «я веду их...», «я проверяю готовность...» и прочее. Вплоть до возможного: я начинаю войну. На этот раз место действия – Крым и крымское побережье (сначала – дорога к нему). Но на самом деле война уже давно ведется. Невидимая война, то есть внятная только герою-автору. А он словно бы овладевает ею, становится стратегом и главным полководцем. Если война виртуальная, то вести ее, ею руководить может кто угодно. Причем особенность этой ненастоящей, зрелищной войны в том, что ее главный полководец действует со всех противоборствующих сторон, воюет, выходит, сам с собой. Среди действующих сторон мешаются явления внутренней жизни героя-автора («танки моих желаний», «летучие гандоны сексуальных желаний») с окружающими, внешними по отношению к нему предметами и явлениями (листья, ветер, бродячие собаки, крысы или чайки, гаражи-ракушки или плоды и овощи, а также блюда из них, жареные баклажаны, например, которыми изобилует Крым, и вплоть до морских обитателей: медуз и мидий, а также отдыхающих: их купальники, как и ягодицы или сиськи, тоже оказываются полукосмическим оружием).

* * *

Это тотальная война, среди участников которой узнаем национальные, социальные, общественные реальные силы современности, вплоть до мелькающих в странных сочетаниях имен известных деятелей («Новодворская моей печали» или «Кара-мурза наших снов», интересен постоянный переход от личного к общему, от «моей» к «нашим», значит, не только «моя» война, но и «ваша», и значит: видимая война). Но другая особенность этой бескровной, но оттого не менее жуткой войны в том, что участники не объединяются, не вступают в союзы, не берут чью-то сторону: это война всех и каждого против всех. И эта воображаемая война Вепря Петрова одновременно является продолжением тотальной виртуальности («липовая война – это война лип» – иронически заканчивается лекция), но одновременно и вызов этой виртуальности: в агрессивном, жаждущем подлинной крови воображении героя разыгрывается обнажение агрессии и жестокости под покровом уюта и почти благодности (погода хорошая, ветер теплый).

* * *

В стихах Игоря Левшина возникает ад виртуальности, окружающий героев. Причем формулу можно почти лишить метафоричности. Если ад существует, то, вероятно, он именно такой (кстати, бесы, естественные обитатели ада, в левшинских стихах тоже появляются), то есть характеризуется долгой серией «без-»: безличный, безымянный (поэтому имена в стихах всегда похожи на прозвища, ники), безместный (все равно где), безвременный (все равно когда), бесцельный, как и беспричинный («плач ни о чем» в одном из стихотворений; в этом уютном, комфортном и конформном мире страдание разлито повсюду, как нефть, но причин для него нет)... (В последних словах представление о бесе само собой в них входит, с приставкой, по независящему от нас орфографическому закону.) Ряд можно продолжать, и к концу его появится, должно быть: «бессмертный» (как и «бесконечный»). Все это равные явления без-различия: безразличный мир.

* * *

Нефть у Левшина («Надежда твоя – нефть... Поэзия твоя – нефть... Родина твоя – нефть...» и т. д. – из уже цитированного стихотворения об убитой девочке), появилась, вероятно, вот откуда. Из Бертрона Рассела, который в свою очередь пересказывал Уильяма Джеймса, известна история о человеке, который, придя в себя после действия наркотика, попытался записать, что видел и чувствовал. Получилась фраза: «Повсюду / во всей вселенной пахнет нефтью». В версии Егора Летова, с которым можно обнаружить множество пересечений в творчестве Левшина, фраза приобрела вид: «Вечность пахнет нефтью». Именно о болезненно, мучительно бесконечном мире виртуальности – стихи в книге Левшина. (Он, правда, утверждает, что никогда не слышал песен Летова. Что ж из того? Набоков времени «Приглашения на казнь» не читал Кафку. Или говорил так.)

* * *

В другой лекции Вепря Петрова («Третьей») герой-автор отказывается от любых определений действия или обстоятельства: «не важно на какую тему» (статья), «не важно сколько» (дней), «не важно зачем»... Об отсутствии страха (без страха: его не может быть там, где нет реальности; как и наоборот), как и сострадания или сочувствия, уже говорилось. В стихотворении «Скотоприимный дом в забытом Богом...» появляются «скотострофы / бесформы» (с заменой в предлоге конечного «з» на «с», и тогда бытовой трюизм «забытый богом» обретает вполне метафизическую реальность), и значит, еще в наш ряд – «бесформенный». В стихотворении о Скотопригоньевске Левшин разыгрывает одно из своих бесовских действ: «бесоворот», как он это называет, – массивную атаку корня «ското-», возникающего в известных словах: скотовасия, скотолепсия, скотурны, скотарсис (бесовской)... Подобие вируса, заражение слова. (Вообще в виртуальном, компьютерном мире оказывается много скотского: скотопэз, свиноград – другие левшинские словообразования. Парадокс: высокие технологии и провоцируемое ими скотство. Этот управляемый Аушвиц явно движется в сторону киберпанка, хотя никакого будущего и нет – одно настоящее.)

* * *

Тотальное оскотиниванье, что не противоречит традиционному представлению о бесовстве и его разгуле. Но в стихотворении «Веки» автор варьирует: «и как есть атеист», «и как был атеист»... Этот мир виртуальности, неопределенный и неопределимый, бесформенный и бесовский, характеризуется в том числе и без-божием (безбожный), которое распространяется и на автора-героя. Ад с бесами есть, а их альтернативы: Бога с ангелами – нет. Или почти нет. Есть одно обстоятельство, когда ангел сможет появиться. Да и вместе с правом на поэзию.

* * *

Иногда мне кажется: я пишу продолжение предисловия к книге Сергея Завьялова «Речи» (М.: НЛЮ, 2010).

* * *

Бесконечность этого виртуального мира достигается варьированием. (Виртуальность сама по себе уже предполагает варьирование, множась возможности, параллельные, сохраняющиеся, не отрицающие друг друга. В конкретной компьютерной практике всегда можно вовремя нажать Esc или Delete, причем ни отмена, ни уничтожение никогда не окончательны, раз есть опция «вернуть». Это и есть примитивный образ бес-смертия.) Варьируется, прежде всего, личность самого говорящего/пишущего. Он задается вопросом, кто он («кто я»). Перечисляются возможности: игрушка, человек («возможно»), животное, цветок, компьютер, «или меня просто нет»... Автор-герой останавливается на последнем варианте: «пустота внутри меня / как у себя дома / это самое вероятное / думаю меня нет...». Он почти растворяется в этих вариантах-возможностях себя. Множественность оборачивается отсутствием, не-существованием. И еще одно определение в наш ряд, характеризующий виртуальный мир: без-жизненный. Не-жизнь. Пустота, которая вполне естественно ассоциируется с бездной. Тема ада и бесовства продолжается. В одном из стихотворений герой пытается нащупать ногой тапки, но «какое там. Ноги нашарили лишь / Бездну...» Именно так, с большой буквы. Стихотворение называется «Голоса» (они и разбудили его, перебивающие друг друга, разыгрывающие абсурдную радиопьесу под музыку Глиэра). А на отчаянный вопрос, что это, отвечают: «Да так, Радио Твоего Мозга»... Транслируемые голоса традиционно ассоциируются с бесовской одержимостью. Пустота густо населена, у нее есть хозяева, как у всякого дома, это все те же (и всегда разные) варианты «я», перебивающие друг друга и друг друга не отменяющие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.